Связанный честью

Автор:
Сандра Браун

Связанный честью

Сандра Браун

Едва войдя в свою комфортабельную квартиру, Эйслин Эндрюс почувствовала угрозу, а в следующее мгновение уже знала, от кого она исходит. Лукас Грейвольф, сбежавший из федеральной тюрьмы преступник, вторгся в ее жилище в поисках пищи и убежища. С этого момента жизнь красивой, образованной, не знающей проблем и потихоньку изнывающей от скуки девушки из богатой семьи полетела кувырком. Но, попав в заложницы и помогая Грейвольфу скрываться от полиции, Эйслин ощутила вкус к жизни и с удивлением обнаружила, что ее похититель не только умен, хорош собой и сексуален – за навязчивой грубостью Лукаса скрывается тонкая, благородная, ранимая душа. И мисс Эндрюс начала сомневаться в его виновности.

Сандра Браун

Связанный честью

Глава 1

Приоткрытый холодильник посылал в темную кухню клин тусклого света. На столешнице стоял пакет молока, рядом – открытая упаковка хлеба в нарезке с парой выпавших кусков.

Но еще до того, как Эйслин это увидела, едва войдя в квартиру через черный ход, она ощутила чье-то присутствие. Как будто в доме кто-то затаился.

Она автоматически потянулась к выключателю.

Но включить свет не успела, чьи-то стальные пальцы обхватили ее запястье, выкрутили руку за спину и дернули вверх к лопаткам. Она попыталась крикнуть, но мозолистая и солоноватая на вкус чужая ладонь зажала ей рот, и вместо крика раздался дикий утробный звук, похожий на стон пойманного в капкан животного.

Она часто задумывалась, как бы повела себя в подобной ситуации. Рухнула бы в обморок? Молила бы о пощаде, понимая, что ей грозит смерть?

И вот сейчас, когда это случилось, с легким удивлением она обнаружила, что не только испугалась, но и разозлилась. Она покрутила головой, пытаясь освободиться от зажимавшей ей рот руки и увидеть лицо нападавшего, запомнить, как он выглядит. Именно это советуют на курсах по предотвращению изнасилований: «Смотрите ему в лицо».

И тут же осознала, что это легче сказать, чем сделать. Сопротивляться бесполезно, он слишком силен. Высокий – она чувствовала затылком его дыхание, горячее и прерывистое, и ударилась головой о его подбородок. «Значит, его рост хорошо так за шесть футов», – заключила она, мысленно составляя описание для заявления в полицию.

Тело жесткое, но не полное, не накачанное, скорее худое. Насколько она могла судить, бицепсы у него твердые, как молодые яблоки.

Как она ни старалась вырваться, добилась только одного – выдохлась. Тогда она решила экономить силы и внезапно замерла. Она пыталась дышать через нос, ее грудь вздымалась при каждом вдохе. Его руки постепенно ослабили хватку, но не отпустили ее.

– Меня зовут Лукас Грейвольф, – произнес он ей в ухо.

Его голос скрипел как песок, гонимый ветром в пустыне. Он звучал по-доброму, но Эйслин это не обмануло. «Такие ветры могут от малейшей причины превращаться в яростный ураган», – подумала она.

И, учитывая обстоятельства, такое развитие событий было вполне вероятно. Ужасающе вероятно.

Имя Лукаса Грейвольфа сегодня весь день звучало с теле– и радиоканалов. Этот индейский активист прошлой ночью сбежал из федеральной тюрьмы-поселения, что находилась во Флоренции, примерно в пятидесяти милях отсюда. Правоохранительные органы прочесывали штат в поисках беглого преступника.

А он оказался у нее на кухне!

– Мне нужна еда. И отдых. Я не причиню тебе неприятностей, если будешь умницей, – пробормотал он рядом с ее ухом. – Но если попытаешься хотя бы крикнуть, я буду вынужден заткнуть тебе рот кляпом. Принимаешь условия?

Она кивнула в знак согласия, и он медленно отвел руку. Эйслин с жадностью глотнула воздух.

– Как ты сюда добрался?

– В основном ногами, – просто ответил он. – Ты знаешь, кто я?

– Да. Тебя ищут по всему штату.

– Я знаю.

Ее гнев стал рассеиваться. Она не была трусихой, но и дурой тоже не была. Не всем быть героями, и не время сейчас разыгрывать из себя Чудо-женщину[1 - Чудо-женщина – героиня американских комиксов, суперженщина. (Здесь и далее примеч. пер.)]. К ней вторгся не мелкий воришка. Лукас Грейвольф считается опасным человеком. Так говорят во всех новостях.

И что ей теперь делать? Нечего и думать, чтобы с ним справиться. Нет, она может надеяться только на свою хитрость. Выждать удобный момент и сбежать.

– Сядь! – Он грубо толкнул Эйслин в плечо.

Она не стала спорить и подошла к столу посреди кухни. Положила на него сумочку, выдвинула стул и осторожно села.

Он передвигался тихо, как дым, и проворно, как тень. Она даже не успела заметить, как он пересек комнату, и поняла это, почувствовав легкое движение воздуха. Эйслин осторожно подняла взгляд и в жутковатом полусвете увидела его силуэт. Он напоминал пантеру – такой же темный, поджарый, смертоносный. Сгорбившись над холодильником, он вытащил из него сырокопченую колбасу.

Явно считая, что Эйслин капитулировала, он небрежным движением закрыл холодильник. Кухня погрузилась во мрак. Эйслин рванулась к задней двери. Но не успела она сделать и пары шагов, как он поймал ее, перехватил под ребрами железной рукой и крепко прижал к себе:

– Ты вообще думаешь, что делаешь?

– Я только… хотела включить свет.

– Сядь.

– Соседи поймут…

– Я сказал – сядь. И сиди, пока я не разрешу встать. – Он протащил ее через всю кухню и толкнул на стул. Темень была такая, что она чуть не села мимо.

– Я просто хочу помочь, – сказала она. – Соседи могут что-то заподозрить, если увидят, что я вошла и не включила свет.

Угроза была пустой, и Эйслин догадывалась, что он это понимает. Она жила в пригороде Скоттдейла, в новом кондоминиуме. И заселен он был чуть меньше чем наполовину. Сомневаться не приходилось, он выбрал ее дом из-за отдаленного месторасположения.

В темноте раздался тихий металлический шелест. Этот зловещий звук сковал ее страхом. Теперь она понимала, что чувствует маленькое существо в джунглях, когда шелест листьев предупреждает его, что рядом бродит невидимый хищник. Лукас Грейвольф нашел над раковиной стойку для ножей и вынул один из деревянной ячейки.

Эйслин замерла, боясь, что холодное лезвие вот-вот перережет ей горло. Но кухню внезапно озарил слепящий яркий свет. Ну, по крайней мере, она пока жива. Эйслин поморгала, привыкая к свету. Незваный гость все еще держал у выключателя длинный нож, поблескивающий острым лезвием.

Она прошлась взглядом по бронзовой жилистой руке до самой ключицы и подняла глаза к решительному квадратному подбородку. Увидела прямой узкий нос и ледяные глаза, взгляд которых пробирал до самых внутренностей.

Эйслин много раз слышала выражение «замерло сердце». Она и сама частенько его использовала по самым ерундовым поводам. Но никогда не испытывала ничего подобного на самом деле… До этого момента.

Эйслин не доводилось встречать взгляд, в котором бы читалось такое откровенное презрение, такая бескомпромиссная ненависть и открытая злость.

По всем чертам он был индеец, но вот глаза явно принадлежали англо[2 - Англо – так в США называют американцев британского происхождения.]. Они были светлосерыми, почти прозрачными, отчего зрачки казались чернее и глубже. Он смотрел на нее пристальным неподвижным взглядом, совсем не моргая. Эти серые глаза на темном, бесстрастном лице показались ей таким контрастом, что она невольно задержала взгляд.

Эйслин опустила глаза, но, увидев, как сверкнул нож, в страхе глянула на мужчину. Тот просто решил отрезать себе кружок колбасы. Поднес его к губам – уголок рта приподнялся в самодовольной улыбке. Он наслаждался ее страхом, и это разозлило Эйслин. Усилием воли она заставила себя справиться с эмоциями и холодно посмотрела на него.

Возможно, это было ее ошибкой.

Если бы ее раньше попросили нарисовать портрет беглого преступника, ее описание бы ничем не напоминало Лукаса Грейвольфа. Ей вспомнилось, что она читала о его деле в газетах, но это было несколько лет назад. Судебные обвинители выставляли его нарушителем спокойствия и агитатором-диссидентом, который сеет недовольство среди индейцев. Но упоминали ли те статьи о том, что он такой красавчик? Если и упоминали, она не обратила на это внимания.

На нем была синяя рубашка шамбре, без сомнений, тюремная. Рукава оторваны, остались только рваные, с торчащими нитками проймы. На голове бандана, состряпанная из рукава, повязанная в стиле апачей, оттягивает назад волосы, такие невероятно черные, что казалось, они поглощают свет. Правда, они довольно уныло выглядели, явно нуждаясь в мытье, сапоги и джинсы тоже были в плачевном состоянии.

Эйслин обратила внимание на его пояс, искусно украшенный серебром с вкраплениями бирюзы, на цепочку с серебряным христианским крестиком и амулет, висевшие на поросшей темными волосами груди. Он не был чистокровным индейцем.

И снова она опустила взгляд. Учитывая обстоятельства, ее смущало, что его потная рубашка распахнута почти до талии и что сережка в его правом ухе не вызывает у нее отвращения. Крошечная серебряная маска качины[3 - Качина – дух космологии и религии у североамериканских индейцев.] являла собой дух другой религии и плохо сочеталась с крестом на шее, но эта сережка удивительно шла Грейвольфу.

– Ты не собираешься ко мне присоединиться? – язвительно поинтересовался он, на ноже протягивая Эйслин ломтик колбасы.

Она подняла голову и вызывающе выпятила подбородок:

– Нет, спасибо. Я попозже поем вместе с мужем.

– С мужем?

– Да.

– И где он?

– На работе, но должен прийти с минуты на минуту.

Он как раз подносил ко рту ломоть хлеба. Откусил и с беззаботным видом задвигал челюстями. У Эйслин руки зачесались дать ему пощечину.

– Ты не умеешь врать.

– Я не вру.

Он проглотил кусок.

– До вашего прихода, мисс Эйслин Эндрюс, я обыскал всю квартиру. Здесь нет мужчин.

Теперь пришла ее очередь сглотнуть, и это далось ей нелегко. Эйслин отчаянно желала, чтобы сердце перестало биться о ребра как сумасшедшее. Ладони вспотели. Она сжала под столом руки:

– Как ты узнал мое имя?

– Почта.

– Ты рылся в моей почте?

– Ты как будто встревожилась. Вам есть что скрывать, мисс Эндрюс?

Она не стала глотать наживку и крепко сжала губы, еле сдерживаясь, чтобы не выругаться.

– Тебе пришел счет за телефон.

Увидев его лукавую ухмылку, она снова сорвалась:

– Тебя поймают и вернут в тюрьму.

– Да, я знаю.

Спокойный ответ заставил ее замолчать. Все заготовленные угрозы и аргументы потеряли смысл. Она молча смотрела, как он поднимает пакет с молоком, запрокидывает голову и жадно пьет. Смотрела на смуглую, бронзовую шею, на двигающийся кадык, завораживающий ее, как маятник гипнотизера. Он пил и пил, пока не опустошил весь пакет. Поставил его на стол и вытер губы тыльной стороной руки, в которой все еще держал нож.

– Если ты знаешь, что тебя поймают, зачем делать себе еще хуже? – спросила она из чистого любопытства. – Почему ты не хочешь сдаться?

– Потому что сначала мне надо кое-что сделать, – мрачно ответил он. – Пока еще не слишком поздно.

Эйслин не стала больше задавать вопросов, боясь, что ей несдобровать, если она узнает о его преступных планах. Но если ей удастся отвлечь его, он может ослабить бдительность, и тогда она рванет к задней двери, в гараже кнопкой откроет дверь и…

– Как ты вошел? – резко спросила она, впервые осознав, что нигде нет признаков взлома.

– Через окно спальни.

– А как тебе удалось сбежать из тюремного поселения?

– Я обманул человека, который мне доверял. – Его твердый рот скривился в усмешке. – Он оказался таким дураком, что поверил индейцу. Всем известно, что индейцы недостойны доверия. Верно, мисс Эндрюс?

– Я ничего не знаю об индейцах, – тихо ответила она, не желая его провоцировать.

Он был так напряжен, что казалось, вот-вот взорвется.

Но, сдерживая свои эмоции, она как будто только распаляла его. Его взгляд медленно скользнул по ней, обдавая жаром. Она болезненно ощущала свои светлые волосы, голубые глаза, белую кожу. Его усмешка была угрюмой.

– Я и не думал, что знаешь. – Мгновенным движением, слишком быстрым для ее глаз, он заткнул нож за пояс и потянулся к ней. – Вставай.

– Зачем?

Он рывком поставил ее на ноги, и у Эйслин перехватило дыхание от испуга. Развернув Эйслин спиной к себе, он положил руки ей на плечи и стал подталкивать к выходу. По пути из кухни он выключил свет. В прихожей была темень. Эйслин, спотыкаясь, побрела вперед. Он вел ее к спальне. Рот у нее пересох от ужаса.

– Ты ведь уже получил то, зачем пришел.

– Еще не совсем.

– Ты сказал, что тебе нужна еда, – быстро возразила она и застыла на месте. – Если ты сейчас уйдешь, я не стану звонить в полицию, обещаю.

– Интересно, почему я вам не верю, мисс Эндрюс? – поинтересовался он елейным голосом.

– Клянусь, я не буду звонить! – заплакала она, презирая себя за слабость. Собственный голос ее ужаснул.

– Я уже слышал обещания от белых мужчин… и женщин тоже. И научился относиться к ним скептически.

– Но я-то никакого отношения к ним не имею. Я… Господи, что ты собираешься делать?

Он втолкнул ее в спальню, вошел сам и закрыл дверь.

– Попробуйте догадаться, мисс Эндрюс. – Он развернул ее лицом и прижал к двери своим телом. Схватил за горло и навис над ней. – Как думаешь, что я собираюсь сделать?

– Я… я… не знаю.

– Ты ведь не принадлежишь к тем закомплексованным дамам, что развлекаются фантазиями об изнасиловании? А?

– Нет! – выдохнула она.

– А как насчет похищения дикарем?

– Отпусти меня, пожалуйста.

Она отвернулась, и он ей это позволил, но не отпустил. Напротив, он придвинулся еще ближе, похотливо прижимаясь к ней сильным телом.

Эйслин зажмурилась и прикусила губу от ужаса и унижения. Длинные тонкие пальцы играли у нее на горле, выстукивая незабываемый ритм.

– Я был в тюрьме долго, очень долго.

Его пальцы скользнули к груди, он подцепил указательным пальцем верхнюю пуговицу блузки и стал ее дергать, пока пуговица не расстегнулась. Эйслин всхлипнула. Его лицо было так близко, что она ощущала жаркое дыхание на своей коже и ненавидела эту вынужденную близость.

– Так что, надеюсь, у тебя хватит ума не подкидывать мне идеи, – вкрадчиво предупредил он.

Осознав, что именно он говорит, она в упор посмотрела на него. Их взгляды встретились. Они изучали друг друга, оценивая силу и отыскивая слабые места. На какое-то время это занятие отвлекло их обоих.

Затем он медленно отстранился. Больше не ощущая его тела, Эйслин чуть не рухнула на пол от облегчения.

– Я уже говорил, что мне нужны еда и отдых. – В его хрипловатом голосе зазвучали странные нотки.

– Ты уже отдохнул.

– Сон, мисс Эндрюс. Мне нужен сон.

– Ты имеешь в виду… что ты хочешь остаться? Здесь? – потрясенно выговорила она. – И надолго?

– Пока не решу уехать, – туманно ответил он.

Потом прошел по комнате и включил лампу на ночном столике.

– Ты не можешь здесь оставаться!

Он вернулся к ней, все еще ошарашенной, взял за руку и потащил за собой.

– Ты не в том положении, чтобы спорить. И если пока ты еще цела и невредима, это не значит, что, если я окажусь в отчаянном положении, все так и останется.

– Я тебя не боюсь.

– Боишься. – Он втащил ее в маленькую ванную и захлопнул за ними дверь – А если нет, то зря. Слушай, я хочу прояснить ситуацию, – процедил он. – Мне нужно кое-что сделать, и никто – а в особенности такая принцесса-англо, как ты, – меня не остановит. Я вырубил тюремного охранника и проделал весь этот путь пешком. Мне нечего терять, кроме жизни, а там, где я был, она ничего не стоит. Так что не испытывайте судьбу, леди. Я буду вашим гостем сколько захочу. – И, подкрепляя угрозу, он выдернул из-за пояса нож.

Она резко втянула воздух, когда он уколол ее в пупок кончиком лезвия.

– Вот это уже ближе к истине, – сказал он, оценивая ее страх. – А теперь сядь.

Он показал подбородком на закрытый крышкой унитаз. Эйслин, не сводя глаз с ножа, попятилась назад, пока не натолкнулась на нужный предмет и буквально не упала на него.

Грейвольф положил нож на край ванны вне предела ее досягаемости. Потом он стянул сапоги и носки и стал вытаскивать из джинсов подол рваной рубашки. Эйслин сидела неподвижно, как статуя, в то время как он снял рубашку и бросил ее на пол.

Его грудь покрывали короткие темные волоски. Бронзовая кожа туго обтягивала выпуклые грудные мышцы с маленькими темными сосками. Впадина вокруг пупка на плоском животе тоже поросла волосками. Сморщенный кружок пупка переходил в гладкую полосу, которая исчезала под джинсами.

Он стал расстегивать пряжку пояса.

– Что ты делаешь? – встревожилась Эйслин.

– Собираюсь принять душ.

С расстегнутым поясом он нагнулся к кранам над ванной и открутил их на полную мощность. Но даже рев водяной струи не помешал Эйслин услышать, как он расстегнул молнию на джинсах.

– Прямо передо мной? – вскрикнула она.

– Прямо перед тобой.

Он спокойно спустил джинсы до пола и перешагнул их.

Эйслин закрыла глаза. Ее накрыла волна головокружения, и ей даже пришлось схватиться за крышку унитаза, чтобы не упасть. Никогда в жизни она не была так возмущена и оскорблена. На нее никто никогда не покушался.

Смотреть на его наготу – было все равно что подвергнуться нападению воплощенной мужественности. Он был идеально сложен. Широкие плечи, широкая грудь. Длинные, стройные, мускулистые ноги свидетельствовали о силе

и проворстве. Там, где кожа была гладкой, она напоминала натертую бронзу, живую и упругую. Там, где поросла волосками, казалась теплой и притягательной.

Он включил душ и ступил под мощные струи, занавеску закрывать не стал. По-прежнему глядя в другую сторону, Эйслин сделала пару глубоких вдохов, чтобы прийти в себя.

– Что такое, мисс Эндрюс? Вы никогда раньше не видели обнаженного мужчину? Или вас так расстроил вид голого индейца?

Она резко обернулась, задетая его насмешливым тоном. Она не старая дева, не ханжа и не расистка. Но колкость застыла у нее на губах. При виде намыленных рук, скользящих по стройному телу, ее буквально парализовало. Вода, видимо, была горячей – зеркала запотели, а атмосфера сгустилась, как в романах Эрскина Колдуэлла. На ее коже тоже оседали капельки жаркого тумана. Из-за духоты и влажной жары дышалось с большим трудом.

– Видишь, я устроен как все остальные мужчины, – съязвил он, намыливая нижнюю часть тела.

«Ну не совсем», – мелькнуло в потаенном уголке разума Эйслин, когда она украдкой бросила взгляд туда, где в куще густых волос выступал впечатляющий признак его мужественности.

– Ты груб, – зло произнесла она и добавила: – И ты преступник.

Он улыбнулся циничной улыбкой и, стянув с головы импровизированную бандану, бросил ее на кучу остальной одежды. Потом намочил голову под душем и взял бутылку с шампунем. Вдохнул его аромат, налил в ладонь густой жидкости и шлепнул себе на макушку. Размылил, покрыв пеной иссиня-черные волосы, и стал яростно тереть голову.

– Пахнет лучше, чем тюремный шампунь, – заметил он, погружая пальцы в пышную пену.

Эйслин ничего не ответила, в голове у нее стал оформляться план. Чтобы смыть шампунь, ему ведь придется постоять с головой под душем подольше, чем во время намыливания? Но обдумывать ей оставалось не долго. Он уже смывал с волос пену, мыльный водоворот кружил у его ног.

На тумбочке у кровати стоял телефон. Если бы она смогла рвануть в спальню и набрать экстренную службу, до того как…

Он сунул голову под душ. Времени на раздумье уже не было.

Эйслин бросилась к двери, чуть не вывернув руку, дернула ее на себя и вылетела в спальню. За полсекунды добралась до тумбочки, схватила телефонную трубку и стала отчаянно жать кнопки, по памяти набирая номер.

Потом прижала трубку к уху в ожидании ответа. Но трубка молчала. Черт!

Она набрала второпях не тот номер?

Эйслин разъединила и набрала снова. Руки у нее тряслись так, что едва удерживали трубку. Бросив через плечо безумный взгляд, она увидела в дверях Лукаса Грейвольфа. Он стоял, прислонившись к косяку, и всем своим видом показывал ленивое безразличие.

На шее у него висело полотенце, и больше на нем не было ничего. С мокрых волос капала вода, по золотисто-медному телу стекали струйки. Капельки воды блестели и там, где она предпочла бы не видеть их. В правой руке он держал свой страшный нож и плоской стороной спокойно похлопывал по обнаженному бедру.

Эйслин поняла, что второй звонок невозможен. И все остальные.

– Ты что-то сделал с телефоном. – Это было утверждением, а не вопросом.

– Сразу как вошел.

Она дернула телефон за провод, вырвала вилку из розетки и ударила по ней каблуком.

Ее переполняли отчаяние и ярость. Ее бесило, что он такой спокойно-невозмутимый, а она выглядит идиоткой и неудачницей. Она выругалась, кинула в него телефонным аппаратом и рванулась к двери, ища спасения любой ценой. Безнадежно, конечно, но она должна была хотя бы попытаться.

Ей удалось добраться до двери, ей даже удалось ее приоткрыть, но тут перед лицом снова мелькнула большая рука, и дверь захлопнулась. Она обернулась, скрючила пальцы и набросилась на него как кошка.

– Прекрати! – Он попытался схватить ее за руки. Нож задел Эйслин предплечье. Она тихо вскрикнула. – Ты маленькая идиотка.

Он издал хриплый удивленный возглас, когда она попыталась пнуть его в пах. Цели она не достигла, но заставила его отшатнуться, и он потерял равновесие. Они оба упали на пол, продолжая бороться. Он до сих пор был влажный и скользкий после душа, и ему ничего не стоило отражать ее отчаянные удары. Через пару секунд он уже нависал над ней и прижимал запястья к полу.

– Какого дьявола ты это сделала? Ты могла пораниться! – рявкнул он.

Их лица разделяли какие-то дюймы. Его грудь поднималась и опускалась от напряженного дыхания. Гнев в его глазах ужаснул Эйслин, но она этого не показала, напротив, открыто уставилась на него снизу вверх.

– Если ты собираешься меня убить, убивай, и покончим с этим, – выдавила она.

Он так резко дернул ее за ноги, что она не успела подготовиться. У нее даже клацнули зубы. Пытаясь восстановить равновесие, она увидела замах ножа, приближающегося к ее щеке, и ощутила сопровождавший его жест порыв ветра. Эйслин хотела закричать, но он схватил ее за волосы, и у нее вырвался только тихий всхлип. Неуловимым он движением срезал светлую волнистую прядь.

– Я говорил серьезно, леди, – тяжело дыша, произнес он. – Мне нечего терять. Устроишь еще один такой фокус, и я испробую этот нож не только на твоих волосах. Тебе ясно?

Глядя широко раскрытыми глазами на пучок волос в его руке, Эйслин тупо кивнула. Он разжал пальцы, и светлые блестящие пряди спланировали на пол.

Убедившись, что она поняла его, он отступил на шаг и взял полотенце. Стер с кожи остатки влаги и стал вытирать длинные, до плеч, волосы. Потом бросил полотенце ей:

– У тебя рука кровоточит.

Она даже не заметила. Эйслин опустила глаза и с удивлением обнаружила, что из пореза чуть выше запястья медленно сочится струйка крови.

– Где-нибудь еще болит?

Она отрицательно покачала головой.

– Иди к кровати.

Беглец от правосудия приказывает ей в ее собственном доме. Но страх подавил негодование. Она повиновалась без единого звука протеста. Кровь из ранки уже не текла. Она отложила полотенце и повернулась лицом к своему тюремщику.

– Раздевайся.

Ей казалось, что ему не под силу напугать ее еще сильнее, но она очень ошибалась.

– Что? – хрипло выдавила она.

– Ты меня слышала.

– Нет.

– Если не сделаешь, как я говорю, этот порез станет только началом. – Он помахал ножом у нее перед глазами, острая сталь вспыхнула в свете лампы.

– Ты не причинишь мне боли.

– Не советую на это рассчитывать.

В ответ ее упрямому взгляду сверкнули холодные, ничего не выражающие глаза, и она поняла, что у нее не так много шансов пережить этот вечер целой и невредимой.

– Зачем… зачем мне снимать мою… мою…

– Ты действительно хочешь, чтобы я сказал?

Нет, она и так отлично представляла зачем, и, произнеси он это, она бы испугалась еще сильнее.

– Но если ты собираешься меня насиловать, – озвучила она возникшую мысль, – почему ты не…

– Снимай одежду, – выделяя каждое слово, произнес он.

Она подумала, что другого выхода у нее нет. Повинуясь ему, она хотя бы выиграет время. Может, кто-нибудь ей позвонит и поймет, что телефон не отвечает. Должна же телефонная компания кого-то послать проверить, верно? Или, может, кто-то постучит в дверь. Почтальон, к примеру. Все что угодно может случиться, если ей удастся его отвлечь. Может, полиция уже выследила его и сейчас окружает дом.

Эйслин медленно подняла руки ко второй пуговице блузки – первая уже была расстегнута Грейвольфом, – потом бросила на него последний, умоляющий взгляд. Его лицо окаменело, глаза источали холод. Просить его сжалиться ей не позволяла гордость, хотя она вообще сильно сомневалась, что какие бы то ни было мольбы могут смягчить этого бесчувственного человека.

Она расстегнула пуговицу и неохотно опустила руку к следующей.

– Поторапливайся.

Она подняла на него взгляд – он так и стоял в нескольких футах от нее, голый и зловещий. К ее негодующему взгляду он остался совершенно безразличен. Она возилась с каждой пуговицей, проверяя границы его терпения, пока не расстегнула все.

– Теперь снимай ее. – Он бесцеремонно махнул ножом.

С опущенной головой Эйслин спустила блузку с плеч, но придержала на груди.

– Опусти ее.

По-прежнему не глядя на него, она разжала руки, и блузка скользнула на пол.

После длинной паузы он снова заговорил:

– Снимай остальное.

В Аризоне стояло лето. Она закрыла студию пораньше, поскольку сессий на сегодня больше не было. После разминки в фитнес-клубе она переоделась в юбку и блузку и надела на голые ноги босоножки.

– Юбку, Эйслин, – приказал он, подчеркнуто обращаясь к ней по имени.

Такая фамильярность при подобных обстоятельствах – настоящее оскорбление. Эйслин закипела от гнева. Она вызывающе завела руку за спину, с силой дернула застежку, порвав ее, и уронила юбку на пол, обнажив бедра.

Он издал какой-то придушенный звук, похожий на стон, и она подняла взгляд. Глаза его мерцали как факелы.

Эйслин пожалела, что на ней не самое простое белье. Комплект цвета лимонного шербета, шелковый бюстгальтер с серым кружевом по краям и такие же трусики, – белье, задуманное для соблазнения. При такой откровенности воображения почти не требовалось, а у бывшего заключенного оно, наверное, хорошо тренировано.

– Бюстгальтер.

Из гордости пытаясь сдержать жгучие слезы, Эйслин спустила кружевные бретельки к предплечьям и вытащила руки. Потом, придерживая чашечки, расстегнула спереди застежку. Грейвольф вытянул вперед руку. Эйслин автоматически дернулась.

– Давай его мне, – хрипло приказал он.

Дрожащей рукой она отдала ему деликатный предмет из шелка и кружева, который показался почти эфемерным, когда его смяла грубая мужская рука. Он потрогал тонкую ткань. Видя, как он гладит вещь, до сих пор хранящую тепло ее тела, Эйслин испытала очень странное чувство.

– Шелк, – хрипло пробормотал он. Потом поднял бюстгальтер к лицу и прижал к носу. Он закрыл глаза, на миг его лицо исказилось, и он застонал. – Этот запах. Замечательный женский запах.

Эйслин поняла, что его слова обращены не к ней. Он говорил сам с собой. И даже не о ней конкретно. Он имел в виду женщин вообще. Она сама не знала, пугаться ей или успокаиваться от этой мысли.

Опасный момент длился всего пару секунд, затем он зло швырнул бюстгальтер на пол:

– Давай заканчивай!

– Нет. Лучше убей.

Он смотрел на нее мучительно долго. Видеть, как он ее разглядывает, было непереносимо, и Эйслин закрыла глаза.

– Ты очень красива.

Она сжалась в ожидании прикосновения.

Но ничего не произошло. Напротив, он сердито отвернулся от нее. То ли злился на ее упрямое сопротивление, то ли на нечаянно проявленную слабость.

Что бы ни было, это его очень разозлило. Он грубо выдернул из комода несколько ящиков, пока наконец не нашел, что искал. Он шагнул к ней с двумя парами женских колготок.

– Ложись.

Эйслин одеревенела от ужаса, он обошел ее и сдернул с кровати покрывала.

Она легла и напряженно застыла, глядя на него широко раскрытыми глазами. Он присел рядом, но на нее даже не посмотрел. С искаженным от напряжения лицом он взял ее руку и поднял к спинке кровати, состоящей из медных прутьев.

– Ты хочешь меня привязать? – дрожащим голосом спросила она.

– Да, – коротко ответил он и стал заматывать колготками ее запястье, которое затем привязал к одному из прутьев.

– Господи. – В ее мозгу промелькнула добрая сотня отвратительных кошмаров. Ей припомнились все извращения, о которых она только слышала.

Он сардонически ухмыльнулся, явно прочитав ее мысли и страхи:

– Расслабьтесь, мисс Эндрюс. Я ведь уже сказал вам, что нуждаюсь в пище и отдыхе, и я намерен взять только их.

Не в силах пошевелиться от шока и ужаса, Эйслин послушно ждала, пока он привязывал ее второй парой колготок за другую руку к своей руке. Когда их руки оказались связаны тыльными сторонами, она недоверчиво смерила его взглядом. А он просто выключил настольную лампу и лег рядом, спиной к ней.

– Ты ублюдок. – Она с силой потянула руку, которую он привязал к себе. – Развяжи меня.

– Засыпай.

– Я сказала, развяжи меня! – вскрикнула она и попыталась сесть.

Он перевернулся и дернул ее обратно. Эйслин не видела его в темноте, но чувствовала угрозу его тела. Это угнетало ее сильнее, чем демонстрация физической силы.

– Мне пришлось тебя привязать, у меня не было другого выбора.

– А зачем ты заставил меня раздеться?

– Чтобы тебе было труднее сбежать. Я очень сомневаюсь, что ты посмеешь улизнуть из дома нагишом. И еще…

– Что еще? – сердито поинтересовалась она.

После небольшой паузы его ответ проник в темноту, крадучись, как черная кошка, – ее ждешь, но не видишь, пока она не появится.

– И еще я хотел посмотреть на тебя.

Глава 2

– Вставай.

Она неохотно приоткрыла глаза, сама не понимая, почему так боится просыпаться. Потом ее грубо тряхнули за плечо, и она вспомнила. Эйслин распахнула глаза. Полулежа на кровати, голая, но покрытая одеялом, она мотнула головой, убирая с глаз волосы, и посмотрела на стоящего в отдалении Лукаса Грейвольфа.

Вчера она много часов лежала без сна, прислушиваясь к его мерному дыханию. Он крепко спал. Она не оставляла попыток высвободить привязанную к кровати руку, пока все тело не заныло от бесплодных усилий. Проклиная Грейвольфа, она в конце концов сдалась, расслабилась и закрыла глаза. Потом усталость взяла над ней верх, и Эйслин заснула.

– Вставай, – повторил он. – И одевайся. Мы уезжаем.

Чулки-путы висели на противоположной спинке кровати. Он уже освободил ее. Почему же она тогда не проснулась? Он так легко и ловко прикасался, что она не заметила? Она смутно вспомнила, как сильно ранним утром замерзла. Это он накрыл ее одеялом? Внутри у нее все задрожало от такого предположения.

Эйслин увидела, что на нем все та же запыленная одежда, которую он сбрасывал с себя перед душем. Вместо самодельной банданы из оторванного рукава он позаимствовал ее собственную. Сережка и цепочка с крестиком тоже поблескивали на бронзовой коже. От иссиня-черных волос исходил запах ее шампуня.

Нет, он ей не привиделся. Лукас Грейвольф был вполне реален и воплощал в себе кошмар любой женщины… или мечту.

Она заставила себя вернуться в реальность:

– Уезжаем? Куда? Я никуда не поеду.

Исходящее от него пренебрежение ясно показывало, как он относится к ее протесту. Он открыл шкаф и стал перебирать одежду на плечиках. Платья от известных дизайнеров и шелковые блузки он забраковал, выбрал какие-то старые джинсы, простую блузку и бросил ей.

Он нагнулся, просмотрел всю ее обувь и выбрал ботинки на низком каблуке. Отнес их к кровати и бросил на пол.

– Или одевайся сама, или… – Он сделал паузу, окидывая взглядом ее очертания под одеялом. – Или я сам тебя одену. В любом случае через пять минут мы уходим.

В его позе читалась отвратительная самонадеянность: ноги широко расставлены, грудь колесом, нос задран. Классический индейский профиль с выражением высокомерия.

Ее кроткая покорность уступила место совершенно неуместной дерзости.

– Почему бы тебе просто не оставить меня здесь?

– Глупый вопрос, Эйслин. Недостойный твоего интеллекта.

Тут не поспоришь. Стоит ему скрыться из виду, как она с криком рванет на улицу, и полиция окажется у него на хвосте еще до того, как он покинет пределы города.

– Ты моя страховка. Уважающий себя беглец от правосудия просто обязан взять заложника. – Он шагнул к ней. – И мое терпение к заложнику, оказавшемуся в моем распоряжении, уже кончается. Поднимай задницу с этой чертовой кровати! – рявкнул он.

Сдерживая раздражение, она благоразумно повиновалась и потащила с собой одеяло.

– Отвернись хотя бы, пока я одеваюсь.

Он вскинул черную бровь:

– Ты хочешь от индейца благородного жеста?

– У меня нет расовых предрассудков.

Он взглянул на ее растрепанные светлые волосы и ухмыльнулся:

– Вряд ли. Иначе нас бы здесь уже не было. – Он развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

В куче вещей, выброшенных из ящиков, она нашла бюстгальтер и трусики и переоделась в выбранную им одежду.

Застегнув джинсы, она рванулась к окну, подняла жалюзи, схватилась за ручку и повернула ее, и тут же на ее запястье сомкнулись крепкие пальцы.

– Я начинаю уставать от твоих фокусов, Эйслин.

– А я устала от твоего грубого обращения! – закричала она, пытаясь вырвать руку.

Он снова закрыл окно, опустил жалюзи и только после этого отпустил ее. Эйслин с возмущенным видом стала растирать запястье. Грубияны всегда вызывали у нее презрение.

– Слушай, маленькая леди, если бы ты не была мне нужна в качестве защиты, я бы на тебя и не посмотрел. Так что не льсти себе. – Он встал у нее за спиной и, положив руку на талию, с силой подтолкнул. – Двигай вперед.

Он привел ее на кухню, взял там термос и пакет с продуктами.

– Я смотрю, ты чувствуешь себя как дома, – язвительно заметила она.

В душе она проклинала себя за свой крепкий сон. Наверняка можно было вылезти из спальни через окно, пока он варил кофе и грабил ее кладовку.

– Когда мы приедем на место, ты еще порадуешься, что у нас есть провизия.

– И где это место находится?

– Там, где живут остальные люди.

Он не стал ничего пояснять и, надежно зафиксировав руку Эйслин, повел ее в гараж. Открыл дверцу со стороны пассажирского сиденья, втолкнул девушку в машину, потом, обойдя ее, скользнул на водительское место, поставил между ними термос и пакет с едой. Потом потянулся назад и приспособил кресло под свой рост и длинные ноги. Взял с приборной панели пульт и поднял дверь гаража. Вывел машину задним ходом и снова закрыл гараж. Проехал всю улицу до конца и, выехав на бульвар, умело влился в плотный поток машин.

– И надолго ты меня увозишь? – спросила Эйслин.

Вопрос был легкомысленным и не вязался с ее настороженным взглядом.

Он вел машину так, чтобы не попадать в поле зрения тех, кто сидел в соседних автомобилях. Полицейских в обозримом пространстве не наблюдалось. Грейвольф ехал аккуратно и не превышал скорость. Он был совсем не дурак.

И болтуном тоже не был. Он ничего не ответил на заданный ему вопрос.

– Меня, между прочим, потеряют. У меня бизнес, который надо поддерживать на плаву. Если я не появлюсь на работе, меня станут искать.

– Налей мне кофе.

От такого высокомерного приказа у нее отвалилась челюсть. Она еще будет ему прислуживать! Как будто он вождь, а она его личная скво.

– Иди к черту!

– Налей мне кофе.

Накричи он на нее, сорвись с катушек, она бы, может, ему и ответила. Но его голос звучал тихо, словно шорох ползущей змеи. Озноб прокатился по ее позвоночнику. Она понимала, что он опасен. Кухонный нож все еще торчал у него из-за пояса. Один его взгляд, когда он на секунду отвлекся от дороги, чтобы пригвоздить ее к месту, убедил Эйслин, что перед ней враг, с которым надо считаться.

Она отыскала в пакете с продуктами два пластиковых стаканчика. Отделила один, осторожно налила из термоса полстакана горячего ароматного кофе и передала ему. Он не поблагодарил, только отпил кофе и скосил на нее глаза. Не спрашивая разрешения, она тоже налила себе кофе и закрыла термос.

Эйслин задумчиво смотрела в стаканчик и катала его в ладонях. Она пыталась представить, какие планы могут быть у Грейвольфа на нее. Она так сильно сосредоточилась, что чуть не подпрыгнула, когда он внезапно спросил:

– Какой бизнес?

– Что?

– Ты сказала, что у тебя есть бизнес.

– А-а, фотостудия.

– Ты занимаешься съемкой?

– Да, в основном делаю портреты. Невесты, дети, выпускники. Все такое.

Понял ли он ее, одобрил или не слишком – она не поняла. На его лице ничего не отразилось. «Да уж, в моей работе точно нет ничего захватывающего», – подумала она и вздохнула.

Окончив колледж по специальности «журналист», она собиралась стать фоторепортером. Ей хотелось взорвать мир своими провокационными фотографиями, хотелось путешествовать по земному шару, снимая пожары, катастрофы, наводнения. Ей хотелось каждым снимком вызывать сильные эмоции – гнев, любовь, сопереживание.

Но ее родители имели совсем иные планы на своего единственного ребенка. Уиллард Эндрюс был видным бизнесменом в Скоттдейле. Его жена Эленор возглавляла местные «сливки общества». И от дочери ждали соответствующего поведения – потешить себя достойными занятиями и выйти замуж за не менее достойного молодого человека. Она могла присоединиться к любому клубу, могла возглавить любой женский комитет. Благотворительность была допустима, пока не требовала ее личного участия.

Карьера – особенно такая, где надо ездить в отдаленные части света, чтобы снимать вещи слишком неприятные для обсуждения на званых ужинах, – естественно, не вписывалась в планы семьи. Ее вымотали несколько месяцев бесконечных споров, и в конце концов она подчинилась воле родителей.

В качестве уступки со своей стороны ее отец взял на себя финансирование фотостудии, где Эйслин могла снимать родительских друзей и их отпрысков. Не самое плохое занятие, но была громадная разница между той значимой работой, которой она всегда хотела заниматься, и ее фотостудией.

Интересно, что бы сказали родители, если бы увидели ее в компании Лукаса Грейвольфа? Не сдержавшись, она прыснула.

– Ты находишь ситуацию забавной? – поинтересовался он.

– Нисколько. – Она снова посерьезнела. – Почему ты не хочешь меня отпустить?

– Я не собирался брать заложника. Я хотел только поесть твоей еды, пару часов отдохнуть в твоей квартире и уйти. Но ты вошла и застала меня за опустошением холодильника. И у меня не осталось другого выбора, кроме как взять тебя с собой. – Он взглянул на нее и добавил: – То есть выбор у меня был, но я не убийца. Пока еще.

Эйслин внезапно расхотелось пить кофе. Во рту пересохло от страха.

– Ты собираешься меня убить?

– Нет, разве только ты не оставишь мне выбора.

– Я буду сражаться с тобой каждую секунду.

– В таком случае у нас могут быть проблемы.

– Тогда лучше сделай это, убей меня прямо сейчас. Заставлять меня вот так ждать очень жестоко.

– Сидеть в тюрьме тоже.

– А чего ты ждал?

– Я научился там некоторому терпению.

– Но я же не виновата, что ты попал в тюрьму. Ты совершил преступление и за это расплачиваешься.

– Ну и в чем мое преступление?

– Я… я не помню. Что-то насчет…

– Я был организатором митинга перед зданием суда в Фениксе. В результате все вылилось в насилие, пострадали полицейские, федеральной собственности был причинен ущерб. – Его рассказ не был доверительным, казалось, он цитирует по памяти то, что сам слышал тысячу раз. – Но, думаю, мое единственное преступление состоит в том, что я родился индейцем.

– Чушь. Вам некого винить в своих несчастьях, кроме самого себя, мистер Грейвольф.

Он безрадостно усмехнулся:

– Судья кое-что добавил для пущего эффекта, когда объявлял приговор.

Они молчали, пока Эйслин не рискнула спросить:

– Как долго ты просидел?

– Тридцать четыре месяца.

– А сколько еще оставалось?

– Три месяца.

– Три месяца! – Такое заявление ее потрясло. – Ты сбежал, когда тебе оставалось так мало?

Он бросил на нее горящий взгляд:

– Я уже говорил, что должен кое-что сделать, и ничто меня не остановит.

– Но если тебя поймают…

– Меня поймают.

– Тогда зачем ты сбежал?

– Я должен был, я ведь уже сказал.

– Разве может быть что-то важнее свободы?

– Может.

– Тебе к сроку добавят месяцы, а может, и годы.

– Да.

– И для тебя это ничего не значит?

– Нет.

– Но ты лишаешься нескольких лет жизни. Подумай, от чего ты отказываешься.

– Например, от женщин.

Эти три слова прозвучали как погребальная проповедь. Она прикусила язык, мудро воздержавшись от дальнейшего разговора на эту тему.

Они оба молчали, но думали об одном и том же. Каждый по-своему вспоминал события прошлого вечера. Эйслин не хотела признавать тревожащие душу воспоминания – вот Грейвольф стоит в дверях ванной, обнаженный и мокрый, его ленивая поза таит угрозу. Вот он прижимает к лицу ее бюстгальтер, с чувственной жадностью вдыхая ее аромат. А вот развязывает ей руки и накрывает одеялом, пока она спит. Ей вдруг стало трудно дышать – и от воспоминаний, и от его близкого присутствия.

В конце концов она отвлеклась единственным доступным ей способом. Она закрыла глаза и откинула голову на спинку сиденья.

– Черт подери!

Должно быть, она задремала и проснулась от ругани Грейвольфа. Тот злился и колошматил кулаком по рулю.

– Что такое? – Эйслин выпрямилась на сиденье, моргая от полуденного солнца.

– Дорожный пост, – процедил Грейвольф, почти не шевеля губами.

Сквозь волны жара, мерцающие над лентой шоссе, Эйслин увидела, что дорогу блокируют патрульные машины. Полицейские задерживали все до единой.

Но прежде чем она успела насладиться долгожданным зрелищем, Грейвольф свернул на обочину и переключил передачу в режим стоянки. Одним ловким движением он оседлал панель между передними сиденьями и наклонился над Эйслин. Расстегнул ее блузку и бюстгальтер.

– Что ты делаешь? – охнула она и задергалась в его руках.

Она плохо соображала со сна и к тому же очень удивилась. Когда же она наконец поняла, что он делает, ее блузка уже была наполовину расстегнута и в глубоком декольте виднелась обнаженная грудь.

– Полагаюсь на человеческую натуру, вот что. – Критически оглядев свою работу и, видимо, найдя ее удовлетворительной, он быстро перемахнул через спинку сиденья. – Теперь твоя очередь вести машину. Провези нас через дорожный пост.

– Но… Нет! – яростно запротестовала она. – Я буду очень рада взять вас в заложники, мистер Грейвольф!

– Садись за руль, или они заметят, что мы стоим, и что-то заподозрят. Тащи свою задницу на водительское место и выводи машину на шоссе. Быстро!

Она взглянула на него с неистовой ненавистью, но послушалась, поскольку он выхватил из-за пояса нож и угрожающе помахал им.

– И не смей даже думать о том, чтобы просигналить, – предупредил он, едва это пришло ей в голову.

Есть у него нож или нет, но она однозначно собиралась въехать на пост с криками о кровавом убийце. Она ударит по тормозам, выпрыгнет из машины и предоставит полицейским ловить этого дикаря.

– Если ты тешишь свое воображение, представляя, как сдашь меня полиции, то забудь об этом, – сказал он.

– У тебя нет шансов.

– У тебя тоже. Я скажу, что мы с тобой сговорились. Ты приютила меня вчера вечером и помогла улизнуть.

– Они тебе не поверят, – фыркнула она.

– Поверят, когда осмотрят простыни твоей кровати.

Шокированная Эйслин быстро глянула на него. Грейвольф лежал на заднем сиденье в позе спящего и держал в руке журнал, видимо чтобы закрыть им лицо.

– Что ты имеешь в виду? – слабо поинтересовалась она. В его серых глазах светилась самоуверенность, которая ей очень не понравилась. – При чем тут мои простыни?

– Полиция найдет на них следы секса.

Она побледнела и вцепилась в руль так, что побелели суставы. От стыда и смущения у нее пересохло во рту.

– Если тебе нужно развернутое объяснение, – мягко проговорил он, – я буду рад его предоставить. Но ты взрослая женщина, так что полагаю, сама догадаешься. Я давно не видел обнаженной женщины и еще дольше не лежал с ней в одной постели. Не чувствовал ее запаха, не слышал дыхания. – Его голос стал низким. – Подумай об этом, Эйслин.

Ей не хотелось об этом думать. Совершенно. Ладони стали скользкими от пота, ее мутило. Когда? Как? Может, он лгал, просто все придумал? Но он мог говорить правду.

Поверит ли полиция в ее рассказ или сразу арестует? Какие улики она может им предоставить? В ее квартире нет признаков взлома. Надолго ее не привлекут, конечно. В конце концов будет доказано, что он лжет. Но до этого момента он очень сильно усложнит ее жизнь. И опозорит. Ей в жизни не искупить вины, особенно перед родителями, они будут просто убиты.

– Я не сдамся без борьбы, – прошептал Грейвольф, когда она замедлила ход и встала в очередь перед полицейским постом. – Живым они меня не получат. – Его голос звучал приглушенно из-за журнала.

Перед ними осталась всего одна машина, полицейский наклонился к водителю.

– Если не хочешь, чтобы на твоей совести была моя кровь, не считая невинных душ, которых я могу захватить с собой, делай что угодно, но протащи нас через этот пост.

Время истекало, надо было на что-то решаться. Полицейский пропустил машину перед ними и жестом велел Эйслин двигаться вперед, к посту. Боже, как ее угораздило так вляпаться и что теперь делать?

Странно, но, когда наступил «час икс», ей не пришлось ни о чем думать. Она не колебалась на тонкой грани между совестью и здравым смыслом и среагировала спонтанно.

Эйслин опустила окно, и не успел полицейский и слова вымолвить, как она затрещала:

– Офицер, как я рада, что вы меня остановили. По-моему, с моей машиной что-то не так. Все время мигают красные огоньки. Как вы думаете, что с ними? Надеюсь, ничего ужасного.

Уловка сработала. Эйслин смотрела на полицейского чистым наивным взглядом. Дыхание сбивалось.

Утром Грейвольф не дал ей времени причесаться, и ее волосам определенно не пошел на пользу сон в машине – в результате Эйслин выглядела совсем растрепанной. Волосы в беспорядке рассыпались по плечам и придавали ей трогательный вид. Особенно в глазах патрульного с маленькой зарплатой и неблагодарной работой, которого в жаркий полуденный август поставили на одиноком шоссе тормозить машины и искать сбежавшего из тюрьмы индейца, который наверняка уже пересек границу с Мексикой.

– Ну что ж, юная леди, – фамильярно проговорил он и сдвинул на затылок форменную шляпу с потного лба, – давайте посмотрим, что у вас за проблема.

Он наклонился к окошку, якобы для проверки «красных огоньков», но Эйслин не сомневалась, что манило его на самом деле – ее грудь. Впрочем, глянув на заднее сиденье, он переменился в лице:

– Кто это?

– О, это мой муж, – с неприязнью ответила она и небрежно пожала плечами. Кокетливо накручивая волосы на палец, она внезапно подумала, не бросается ли в глаза прядь, обрезанная Грейвольфом. – Он вечно ворчит, как старый медведь, когда я бужу его в дороге. Он всегда старается посадить меня за руль. И сегодня я этому очень рада. – Она похлопала наивными голубыми глазами, и полицейский опять заулыбался.

Грейвольф мнил себя знатоком человеческой натуры, но он не понимал, почему она идет на такие крайности, чтобы защитить его, а анализировать это у него не было времени.

– Я не вижу никаких красных огоньков, – прошептал полицейский. Забавно, но, кажется, он боялся разбудить мужа, который, увидев, что кто-то пялится на его жену, мог проявить себя не просто ворчуном.

– О, ну тогда… в общем, спасибо. – Ее храбрости хватило ненадолго. И теперь Эйслин отчаянно хотелось без помех проскочить пост. Ведь сейчас она и вправду помогала беглому преступнику. – Значит, наверное, все в порядке.

– Это может значить, что двигатель перегрет, – сказал полицейский, пожирая ее глазами. – Мой точно перегрелся, – прошептал он потише.

Эйслин даже удалось выдавить слабую улыбку, хотя кожу сводило от отвращения.

Грейвольф шевельнулся и что-то пробормотал. Самодовольная улыбка полицейского увяла.

– Еще увидимся, – сказала она, отпуская педаль тормоза, и осторожно надавила на акселератор.

Она не хотела показывать свое отчаянное желание тронуться с места, хотя сзади уже гудела следующая машина.

Полицейский грозно глянул на нетерпеливого шофера и снова повернулся к Эйслин:

– Лучше все-таки проверить ваши огоньки. Я могу связаться по рации и…

– Нет-нет, не стоит беспокоиться! – крикнула она в ответ. – Если они опять загорятся, я разбужу мужа. До свидания!

Она быстро закрыла окошко и припечатала педаль газа. В зеркале заднего вида было видно, что полицейский объясняет ситуацию следующему за ней автомобилисту, обозленному из-за затянувшегося стояния в очереди.

И лишь когда дорожный пост скрылся из виду, она позволила себе немного расслабиться. Она с такой силой стискивала руль, что с трудом разжала сведенные пальцы. Ногти впились в ладони, оставив глубокие следы-полумесяцы. Эйслин издала долгий судорожный вздох и без сил откинулась на сиденье.

Грейвольф перебрался на пассажирское место с удивительной гибкостью для человека его роста.

– Ты все сделала отлично. Никому и в голову не пришло, что ты осваиваешься в мире преступности.

– Заткнись! – крикнула Эйслин.

Таким же небрежным маневром, что он сам недавно демонстрировал, она вырулила на обочину. От резкого торможения из-под шин брызнул гравий. Машина плавно остановилась. Эйслин уронила голову на руль и зарыдала:

– Я ненавижу тебя. Пожалуйста, отпусти меня! Ну зачем я это сделала? Зачем? Надо было тебя сдать полиции. Мне страшно, я жутко устала, я хочу есть и пить. Ты – преступник, а я за всю жизнь ни разу не солгала. А тут – полицейскому! Меня теперь тоже посадят, да? Зачем я тебе помогаю, если ты все равно меня убьешь?

Грейвольф неподвижно сидел рядом. Наконец она в последний раз всхлипнула, отерла слезы тыльной стороной ладони и посмотрела на него заплаканными глазами.

– Хотелось бы мне сказать, что худшее уже позади, но, боюсь, Эйслин, наши проблемы только начинаются.

Он пялился на ее грудь, и она тут же вспомнила, что неприлично обнажена. Дрожащими руками она застегнула блузку.

– Что ты имеешь в виду?

– Эти чертовы посты. Я не учел их. Нам нужен телевизор.

– Телевизор? – пискнула она, как попугай.

Он оглядел шоссе в обе стороны:

– Да. Не сомневаюсь, там будут новости о поисках. Можно надеяться на озвучивание детального плана по моей поимке. Поехали.

Он показал подбородком, чтобы она двигалась вперед. Эйслин устало вырулила на шоссе.

– А радио? Можно послушать новости по радио.

– Деталей там не будет. – Он покачал головой. – Ты что, никогда не слышала, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать?

– Полагаю, ты скажешь мне, куда ехать и когда остановиться.

– Верно. Просто поезжай вперед.

Почти час они ехали в молчании, правда, сыр и крекеры он отдал ей. Потом очистил апельсин и разделил дольки поровну. Есть из его рук было неприятно, но она послушно открывала рот каждый раз, когда он прижимал дольку к ее губам.

Когда они приблизились к унылым окраинам какого-то городка, Грейвольф приказал Эйслин снизить скорость. Они проехали мимо череды пивных. Те выстроились вдоль шоссе, напоминая старых печальных шлюх, отчаявшихся заполучить клиента.

– Остановись там, – коротко скомандовал Грейвольф, показывая пальцем. – Припаркуйся у «Перекати-поле».

Эйслин скорчила гримасу отвращения. «Перекати-поле» принадлежал к самым мерзким из дешевых баров.

– Надеюсь, мы не опоздали к «счастливому часу»[4 - «Счастливый час» – период времени, когда в баре делается скидка для клиентов.], – с сарказмом сказала она.

– У них есть телевизор, – сказал Грейвольф, заметив на железной крыше антенну. – Вылезай.

– Да, сэр, – пробормотала она, устало дергая дверцу машины.

Как же приятно было оказаться на ногах. Она взялась за поясницу и потянулась, потом потопала ногами, чтобы восстановить кровообращение.

На пыльной гравиевой парковке перед баром стояло всего несколько машин. Грейвольф взял Эйслин за руку и потащил внутрь. Добрая часть дверной вывески оторвалась от рамы, зазубренный край загнулся наружу. Выглядело это жутковато, как, впрочем, и само заведение. Эйслин планировала разыграть полное послушание, а оказавшись в баре, во весь голос позвать на помощь.

– Забудь то, о чем сейчас думаешь.

– И что я думаю?

– Ты собираешься сбежать от меня в безопасные руки какого-нибудь спасителя. Поверь, я в этом кабаке самый безопасный сопровождающий.

Это выглядело не слишком убедительно, учитывая, что она видела, как он сунул в сапог нож, прежде чем выйти из машины.

– Пусть будет похоже, что ты ведешь активную сексуальную жизнь, – произнес он, обнимая ее за плечи.

– Что?!

– Все верно. У нас с тобой недозволенная любовная связь, мы встречаемся по вечерам.

– Ты совсем ненормальный, если думаешь, что… И прекрати это! – возмутилась она, когда одна его рука опустилась к ее талии, а вторая оказалась в опасной близости от груди. Твердые пальцы сжали нежную плоть, надежно исключая возможность побега.

– Почему ты так разговариваешь со своим любимым, дорогуша? – пожаловался он.

Грейвольф толкнул покалеченную дверь и расхлябанной нетвердой походкой двинулся в темное задымленное помещение. Стараясь удержать равновесие, Эйслин прижала руку к его животу и вцепилась в рубашку. Он глянул на нее сверху вниз и одобрительно подмигнул. Ей хотелось закричать, что, будь у нее выбор, она ни за что не стала бы к нему прикасаться.

Но она ничего этого не сказала. Она просто лишилась дара речи при виде той убогости, что ждала ее в баре. Она видела такие места в кино, но, естественно, никогда в них не бывала. У низкого потолка плавала пелена табачного дыма. Сначала Эйслин почти ничего не видела, но потом глаза привыкли к сумраку, и она поняла, что все хуже, чем она могла даже подумать.

У барной стойки стоял ряд табуретов с красными виниловыми сиденьями. Впрочем, они скорее когда-то были красными. Теперь они приобрели сальный грязно-бурый оттенок. И заняты были всего три табурета. На звук хлопнувшей двери все трое сидевших повернулись и с подозрением уставились на Эйслин и ее спутника.

Одной из троих была напомаженная девица в неряшливой блузке. Поставив ногу на соседний табурет, она красила ногти.

– Эй, Рей, у нас объявились клиенты, – позвала она.

Эйслин предположила, что Реем был тучный мужчина за стойкой. Он стоял, облокотившись на холодильник, и не отрывал глаз от подвешенного в углу телевизора, полностью поглощенный «мыльной оперой».

– Так обслужи их! – проревел он в ответ, даже не оглянувшись.

– У меня ногти еще не просохли.

Рей длинно и замысловато выругался. Эйслин думала, что такое можно услышать только в портовых общественных туалетах. Он оторвал свое грузное тело от холодильника и кисло посмотрел на них с Грейвольфом. Но увидела это только она. Ее компаньон уткнулся лицом ей в волосы, а его язык проник ей в ухо.

Но он явно следил за происходящим.

– Два холодных пива, – сказал он так, чтобы Рей услышал. Потом ткнул Эйслин в бок и повел перед собой к одной из грязных кабинок, что стояли у стены в ряд. Отсюда открывался отличный вид и на дверь, и на телевизор.

– Сядь и двигайся к стенке, – прошептал он.

Выбора у нее не было, поскольку он буквально толкнул ее на сиденье. Она даже не успела убедиться в его чистоте, но, это, наверное, и к лучшему. Грейвольф опустился рядом и придавил Эйслин к стене.

– Ты меня расплющил, – сдавленно пожаловалась она.

– В этом и была основная мысль.

Он притворился, что покусывает ей шею, когда к ним приковылял Рей. В руках, напоминающих куски ветчины с грязными ногтями, он принес им два пива и с громким стуком поставил бутылки на обшарпанный пластиковый столик.

– Три доллара. Платите сразу.

– Заплати ему, ладно, милая? – льстиво протянул Лукас, поглаживая плечо Эйслин ласковыми круговыми движениями. – Я сейчас занят.

Она скрежетнула зубами, боясь заорать, чтобы он убрал от нее свои лапы или увел отсюда. Или вообще пошел бы… Но в данный момент она радовалась, что он рядом. Он знал, о чем говорил. Даже сумей она выжать из Рея и остальных немного сочувствия, она сильно сомневалась, что может доверить им свою безопасность. Грейвольф был злодеем, но хотя бы был знакомым злодеем.

Она вытащила из сумочки три однодолларовые купюры и положила на стол. Рей тем временем уже оглянулся через плечо и снова вперился в телевизор, не желая пропустить ни секунды своей «мыльной оперы». Увидев деньги, он сгреб их и нога за ногу удалился.

– Хорошая девочка, – шепнул ей на ухо Лукас.

Эйслин хотелось, чтобы он перестал уже изображать ее ухажера. Рей ведь перед ними больше не маячил. Мог хотя бы перестать поигрывать бретелькой ее бюстгальтера и вообще вытащить руку из блузки.

– И что теперь? – поинтересовалась она.

– Теперь будем обжиматься.

– Да пошел ты!..

– Ш-ш-ш! – сердито шикнул он на нее. – Ты же не хочешь привлечь внимание Рея, верно? Или вон тех двух ковбоев. Они с радостью придут даме на помощь.

– О, да прекрати ты, – возмутилась она, когда его губы заскользили вниз. – Я думала, ты пришел сюда смотреть новости по телевизору.

– Так и есть. Но я не хочу, чтобы они тоже это поняли.

– А я должна тут сидеть и позволять себя лапать?

Он согласно угукнул.

– И долго?

– Сколько понадобится. Каждые полчаса будем заказывать пиво, чтобы Рей не злился, что мы занимаем потенциально доходное место.

Как он может так рационально рассуждать и в то же время так деликатно ее покусывать? Она отстранилась от его ищущих губ:

– Мне столько не выпить.

– Можно выливать, пока никто не видит. Сомневаюсь, что на таком полу это будет заметно.

– Я тоже в этом сомневаюсь. – Она передернулась и оторвала ногу от пола. Он был покрыт липкой субстанцией, которую она решила не пытаться идентифицировать. – Ты уверен, что оно того стоит?

– В чем дело, дорогая? Разве ты плохо проводишь время? – Его рука нашла вырез блузки и задергала пуговицы.

– Плохо.

– Хочешь еще один дорожный пост? Или тебе понравилось сводить с ума бедного полисмена?

– Как ты низок. – Она прислонилась к твердой шероховатой обивке и постаралась не реагировать на обшаривания его языка и рук.

– Я не вижу в тебе страсти, моя сладкая. И они тоже не увидят. Давай немножко поживее, – проворчал он практически ей в ухо.

– Нет. Это отвратительно.

Он резко вскинул голову и окинул ее ледяным взглядом:

– Почему?

Он обиделся. С какой стати? Он что, решил, что это намек на его происхождение? Или он думает, что она не оценила его искусства любовных ласк? Да вообще, какого черта ее волнует, обиделся он или нет?

– Я не привыкла заниматься этим в общественных местах, мистер…

Грейвольф не дал ей назвать его по имени. Он припечатал губами ее рот, оборвав на полуслове. Чисто функциональный поцелуй, обезличенный, призванный заставить ее замолчать. Он даже не размыкал губ. Но внутри у Эйслин все перевернулось, она не смогла выдавить ни звука.

В этом, собственно, и была конечная цель. Наконец оторвавшись от ее рта, он прошептал:

– Осторожней.

Она просто кивнула, желая, чтобы сердце перестало гореть в огне. Одно она знала точно – больше она не будет его провоцировать вопросами и разговорами. Не хватало, чтобы он еще раз ее поцеловал.

У нее было двойственное чувство по поводу причин, но она не хотела еще одного поцелуя.

К счастью, никто ничего не заметил. Похоже, здесь существовало неписаное правило – хозяева «Перекати-поля» занимаются своими делами и не вмешиваются, пока их не зовут.

Изображая, что он полностью поглощен любовными ласками, Грейвольф, однако, был отлично осведомлен о происходящем. Полуприкрыв веки, чтобы изобразить сексуальное возбуждение, он постоянно посматривал по сторонам. Наблюдал из-под ресниц за окружающими, пытаясь уловить, узнан ли он. Но никто не обращал на него внимания. Когда Грейвольф пьяным голосом заказывал еще пива, Рей – а позже и официантка, уже высушившая свои ногти, – просто приносили им заказ. Кроме этих кратких моментов, все начисто забывали об их существовании.

В бар часто заходили клиенты. В основном они выпивали по паре стаканов и сразу уходили. Кто-то пил в одиночестве. Другие объединялись по двое, по трое. Один клиент приклеился к автомату пинбола, и Эйслин чуть с ума не сошла от постоянного звяканья и мигающих огоньков, пока он наконец не ушел. Рей с восторгом уставился в телевизор, шел какой-то старый комедийный сериал.

Для Эйслин время тянулось просто невыносимо медленно. И не потому, что она скучала. Ее нервы были раскалены до предела. Она уговаривала себя, что вот-вот в дверь войдет ее потенциальный спаситель. Но в глубине души она подозревала, что ее мучительные колебания связаны с прелюдией Грейвольфа.

А как еще это можно назвать? Когда он погружает пальцы ей в волосы, удерживая голову, а сам прокладывает вниз дорожку поцелуев. Или сжимает бедро, когда к ним подходит официантка с заказом. Или играет губами с ее ухом.

– Хватит, – застонала она однажды, когда от целенаправленных ласк у нее побежали по рукам мурашки.

– Стоны – это хорошо. Продолжай в том же духе, – прошептал он, глядя, как мимо идет пара водителей, направляясь к автомату пинбола.

Он взял ее руку и, опустив себе под рубашку вниз ладонью, прижал к коже. Эйслин вяло попыталась отнять руку, но Грейвольф не позволил. И раз уж ее заставили его трогать, она решила утолить свое любопытство. Как можно более ненавязчиво она провела кончиками пальцев по упругой плоти. Большой палец наткнулся на что-то. Его сосок. Он был напряжен от возбуждения.

Грейвольф резко сквозь зубы втянул воздух.

– Господи всемогущий, – проговорил он. – Прекрати это.

Он весь день был очень напряжен, но сейчас прижимавшееся к ней тело стало буквально каменным.

Эйслин отдернула руку:

– Я просто делаю как ты…

– Ш-ш-ш!

– Не затыкай…

– Ш – ш! Смотри на экран.

Она глянула в сторону телевизора. Репортер из Феникса рассказывал о поисках неуловимого беглеца, индейского активиста Лукаса Грейвольфа. На экране возникла фотография Лукаса. Эйслин уставилась на нее, с трудом его узнавая. Волосы коротко острижены, почти до основания.

– Не слишком лестная фотография, – сухо сказала она.

Уголок его рта дернулся в намеке на улыбку, но тут на экране появилась карта Аризоны, которая полностью поглотила его внимание. Как он и предполагал, телевизионщики не стали подыгрывать властям, они обозначили на карте все дорожные посты. Несмотря на то что подобные утечки мешали работе полиции, главнейшая цель любого телеканала была в том, чтобы закопать конкурентов.

Диктор переключился на другие новости дня, и Лукас скользнул по скамейке к выходу из кабинки.

– Пошли. И не забудь, что надо шататься. Ты, как предполагается, выпила несколько бутылок пива.

Он предложил ей руку, но тут его внимание привлекла дверь. Она открылась, впуская очередного клиента. Грейвольф тихо, но яростно выругался. В бар вошел человек в форме.

Глава 3

Мужчина небрежно скинул шляпу и вытер потный лоб рукавом. Эйслин со своего места заметила, что он в форме шерифа или, как минимум, представителя шерифа. Дверь с треском закрылась, и он крикнул:

– Стелла, пива мне!

Блондинистая официантка обернулась к нему и заулыбалась, что явно указывало на фамильярно-близкие отношения.

– Смотрите, кого к нам занесло. – Она откинулась на барную стойку, оперлась о нее локтями, в наилучшем виде демонстрируя свою огромную грудь.

Шериф оценил ее и похотливо улыбнулся:

– Скучала по мне, а?

Он плюхнулся на соседний табурет.

– Черт, нет, конечно, – протянула Стелла, обнимая его загорелую шею. – Ты же меня знаешь. С глаз долой – из сердца вон.

– Я уже два дня гоняюсь за этим проклятым индейцем. Он как сквозь землю провалился. И сейчас мне нужна ласка и пара холодных пивасиков.

– И в каком порядке? – промурлыкала блондинка ему почти в губы.

Он поцеловал ее и хлопнул по пышному бедру:

– Сначала пиво.

Стелла пошла выполнять распоряжение охотника, дичь которого так и осталась сидеть с Эйслин в кабинке.

– Черт подери, – выдохнул Грейвольф и под столом стукнул себя по бедру кулаком. – Всего пара минут, и мы уже были бы на воле. Черт!

Продолжая сокрушаться, он наклонился над Эйслин, изображая, что они ласкают друг друга.

– Только попробуй привлечь его внимание. Прийти тебе, моя дорогая, на помощь он сможет только через мой труп.

– И что ты собираешься делать?

– Пока что все то же самое, – ответил он, целуя ее в шею. – Может, он скоро уйдет.

Но шериф, похоже, собирался в баре заночевать. Пара пивасиков превратилась в три, потом в четыре бутылки. Стелла почти от него не отходила, отрываясь, только когда ее подзывали другие клиенты. Они откровенно флиртовали и отпускали пикантные намеки, потом их подзуживающая перепалка сменилась мягким интимным шепотом, который изредка нарушало сексуальное хихиканье Стеллы. Руки шерифа без устали ласкали ее, а Стелла и не думала возражать.

С неожиданным появлением шерифа в Эйслин снова вспыхнула надежда, но она уже сомневалась в том, что того заинтересует поимка беглого преступника. Многие люди – как англо, так и индейцы – считали, что Лукаса Грейвольфа приговорили несправедливо, и сочувствовали ему. Может, этот уработавшийся

шериф тоже один из них. Вполне возможно, что он отвернется в другую сторону, если Грейвольф окажется у него на пути.

Но шериф все равно оставался для Эйслин единственной надеждой. Она решила использовать этот шанс, хотя сильно сомневалась, что он поблагодарит ее за разрушение вожделенного вечера в обществе Стеллы.

– В подходящий момент мы просто встаем и уходим, тебе ясно?

– Ясно, – согласилась она. Может, чуть быстрее, чем следовало.

Грейвольф поднял голову и пристально посмотрел ей в глаза. И даже раньше, чем нож блеснул в тусклом свете, она поняла, что Лукас вытащил его из сапога.

– Не заставляй меня применять его против кого-нибудь, Эйслин, особенно против тебя.

– Почему особенно против меня?

Он многозначительно окинул ее взглядом:

– Потому что после столь приятно проведенного вечера мне не хочется причинять тебе боль.

– Надеюсь, ты будешь гореть в аду, – сквозь зубы процедила она.

– Уверен, твое желание там уважат.

Он замолчал и перенес свое внимание на парочку у барной стойки и неотрывно, как ястреб следил за ними. Когда рука шерифа стала совершать набеги на грудь Стеллы и затем замерла, чтобы повнимательнее ее обследовать, Грейвольф скомандовал:

– Сейчас.

Эйслин думала, что он, крадучись, выскользнет из кабины и потом через дверь – на улицу. Вместо этого он вдруг рывком поставил ее на ноги. Это отлично сработало в его пользу. Она упала на него, чтобы не потерять равновесие. Он обхватил ее за талию и прижал к себе. Эйслин уперлась кулачками ему в грудь, пытаясь вывернуться, и уже открыла рот, чтобы закричать. Но только коротко выдохнула, потому что Лукас сунул между ними нож.

– Не смей. – Его скрипучий голос прозвучал с опасным спокойствием, холодом и отстраненностью, и ей снова пришлось отказаться от надежды на спасение.

Пошатываясь, они пошли к двери. Лукас клевал носом, как пьяный.

– Эй, мистер!

Эйслин застыла на месте, но Грейвольф продолжал двигаться вперед.

– Эй, мистер! Я с вами говорю.

Эйслин ощутила щекой, как Грейвольф прерывисто вздохнул. Он остановился и поднял голову.

– Да? – вопросительно посмотрел он на обращавшегося к нему Рея.

– У нас есть свободные комнаты в задней части дома, – сказал тот, показывая большим пальцем себе за спину. – Вы с вашей леди не хотите занять одну на сегодняшний вечер?

– Нет, спасибо, – ответил Лукас. – Надо отвезти ее домой, пока муженек не вернулся.

Рей непристойно хихикнул и вернулся теперь уже к детективному сериалу, рев которого доносился из телевизора. Шериф терзал податливые губы Стеллы, изливая на них все свои романтические притязания. На них с Лукасом он даже не посмотрел. Оказавшись на улице, Эйслин с наслаждением вдохнула чистый воздух. Ей казалось, что уже никогда ядовитый табачный дым и влажное амбре пива не выветрятся из ее легких. Грейвольф не стал тратить время на такую роскошь, как глубокий, очищающий вдох, и сразу толкнул Эйслин в машину.

Через несколько минут уже мили отделяли их от «Перекати-поля». И только тогда Лукас смог наконец вздохнуть свободно. Он опустил стекло и наслаждался встречным ветром.

– Ты все лучше и лучше избегаешь зловещих рук правосудия, – заметил он.

– Не люблю, когда мне под ребра суют нож, – бросила в ответ Эйслин.

– Этого не должно было случиться.

Кажется, он знал, куда едет, хотя шоссе было каким-то затерянным. Ответвления узкие, указатели почти не встречаются. Никаких светофоров. Обочин практически нет. Машин на дороге было мало, и все далеко впереди или позади. Когда кто-то проезжал мимо, Эйслин задерживала дыхание, боясь, что они врежутся лоб в лоб.

Грейвольф вел машину на высокой скорости, но безопасно. Если долго смотреть на шоссе, то кажется, что белые полосы разметки пытаются догнать друг друга посередине дороги. Они завораживали Эйслин, и она постепенно заснула. Но через пару минут тишину разорвала яростная ругань Грейвольфа:

– Черт подери все это!

– Нас кто-то преследует? – с надеждой поинтересовалась Эйслин.

Она села прямо и оглянулась назад.

– Только что зажегся сигнал «перегрев».

Настроение сразу ухудшилось, она опустила плечи. Какое-то мгновение она лелеяла надежду, что шериф или еще кто-то из «Перекати-поля» узнал Грейвольфа, но решил не рисковать до прибытия подкрепления.

– Он уже зажигался днем, – сказала она, откидываясь на спинку сиденья.

Лукас резко повернулся и уставился на нее. Его лицо освещали только огоньки приборной панели, придавая ему зловещий зеленоватый оттенок. Глаза казались

серебристыми, почти белыми, и они были полны ярости.

– Хочешь сказать, двигатель сегодня уже перегревался?

– Ты что, не слышал, как я рассказывала об этом полицейскому?

– Я думал, это часть игры! – заорал он.

– Ну так вот, к игре это отношения не имело.

– Почему ты не сказала об этом до того, как я свернул на заброшенную дорогу?

– Ты не спрашивал!

Он закончил предложение таким жутким ругательством, что она испугалась, как бы их не поразила молния. Внезапно он съехал с шоссе, да так, что она в тряске чуть не откусила себе язык.

– Куда ты? – испуганно спросила она.

– Надо дать двигателю остыть, если мы не хотим, чтобы он сгорел начисто. В такой темноте я не смогу его починить.

Он отъехал от дороги на несколько сот ярдов. Местность была настолько пересеченная, что Эйслин вцепилась в приборную панель, боясь свалиться. Когда они наконец остановились, мотор уже булькал, как кипящий чайник. Грейвольф открыл дверцу и вылез наружу. Прислонился спиной к машине и опустил голову:

– Черт! Я столько времени потерял сегодня впустую. Сначала в том баре, а теперь еще и это.

Казалось, его ужасно злит вынужденная задержка. Он пошел вдоль капота, яростно пиная шины и ругаясь на чем свет стоит.

Эйслин вылезла со своей стороны и потянулась, разминая затекшие мышцы.

– Нам надо успеть к какому-то сроку?

– Да. Именно к сроку.

По мрачному тону она поняла, что эту тему лучше не продолжать.

Через несколько минут он потряс головой и вздохнул, покоряясь судьбе:

– Раз уж мы здесь застряли, надо воспользоваться возможностью и немного поспать. Залезай на заднее сиденье.

– Я не хочу спать, – мрачно заявила она.

– Все равно полезай назад.

Его голос прокатился по пустыне, как далекий зловещий гром. Эйслин наградила его убийственным взглядом, но подчинилась приказу. Грейвольф открыл все дверцы, кроме одной у заднего сиденья, и уселся на него. Он устроился в углу, прислонившись к закрытой дверце, потом расставил ноги и прежде, чем Эйслин поняла, что он собирается сделать, подтащил ее и уложил у себя между бедер.

– Отпусти меня, – возмутилась она и попыталась вывернуться, но это привело лишь к одному – она поближе познакомилась с его ширинкой. Ей ничего не оставалось, кроме как прекратить сопротивление.

– Я собираюсь спать. И ты тоже.

Он прижал ее спиной к своей груди и обхватил обеими руками. Эйслин показалось, что ее под грудью перевязали стальными канатами. Ужасно неприятное положение, но хотя бы не болезненное. И даже вполне комфортабельное, если бы она решила расслабиться. Но она не станет этого делать.

– Я же не пойду ночью бродить по пустыне. Грейвольф, опусти меня.

– Я не дам тебе шанса. Так что нет, если не желаешь оказаться прикованной к рулю.

– И куда бы я делась, если бы мне удалось сбежать?

– Одно я о тебе точно выяснил – ты очень находчивая леди.

– Мы неизвестно где. И вокруг темно.

– Здесь есть луна.

Да, она уже обратила внимание и на луну, и на звезды, каких она никогда раньше не видела. Большие и яркие, совсем не похожие на те, что можно увидеть в городе. В любое другое время она бы восхитилась зрелищем, посмаковала бы его, окунулась в его великолепие. Наслаждалась бы, ощущая себя совсем крошечной на фоне огромного неба.

Но сейчас она ничего не хотела знать о красоте ночи. Она хотела, чтобы память сохранила только этот ужас и ничего больше.

– Я была бы дурой, если бы решилась уйти одна. Даже если бы знала, где я, и вообще смогла от тебя сбежать.

– Я хочу быть уверен, что ты этого не сделаешь. Так что и не пытайся, для твоей же пользы.

Ее встревожило, каким напряженным тоном он высказал это предупреждение. А еще волны дрожи, что проходили по его рукам у нее под грудью. И ощутимое давление на поясницу. Она нервно сглотнула, понимая, что это должно было означать.

– Пожалуйста, не делай этого. – Ей хотелось засунуть гордость куда подальше и умолять его. Она не выдержит всю ночь в такой близости с ним. И не потому, что ей слишком неприятно, скорее наоборот, недостаточно неприятно. – Отпусти меня.

– Нет.

Она замолчала, поняв, что без толку просить его передумать. Но расслабляться не стала. Она лежала у него на груди с напряженной спиной. Вскоре у нее заболела шея от усилий выдерживать между ними хоть какую-то дистанцию. И только решив, что он уже спит, она позволила себе откинуть голову ему на плечо.

– Ты очень упряма, Эйслин Эндрюс.

Эйслин закрыла глаза и скрежетнула зубами, понимая, что он был свидетелем ее упрямства и капитуляции. Наверное, он специально ждал, когда она сдастся.

– Если ты немного отпустишь руки, мне будет легче дышать.

– Или дотянуться до ножа.

Они помолчали, потом он произнес:

– Ты – одна из немногих.

– Немногих кого?

– Женщин, с которыми я провел больше одной ночи.

– Не жди, что я почувствую себя польщенной.

– Я и не жду. Не сомневаюсь, что девственница-англо не может вообразить себе худшего кошмара, чем индеец, лежащий между ее белых ляжек.

– Ты невообразимо вульгарен. И я не девственница.

– Ты замужем?

– Нет.

– Жила с кем-то?

– Нет.

– Любовные интрижки?

– Не твое дело.

Она скорее умрет, чем расскажет, что у нее был только один мужчина. И то едва ли стоящий упоминания. Это был чрезвычайно неутешительный опыт, в котором она в основном удовлетворяла свое любопытство.

Между ней и тем мужчиной была лишь некоторая привязанность. Они мало общались, ни тепла, ни близости не было, не говоря уже о страсти. После того, как все закончилось, она испытала сильнейшее разочарование и крушение иллюзий, и ей представлялось, что ее партнер тоже остался разочарован.

С тех пор она больше не рисковала такими щекотливыми ситуациями и в последнее время начала думать, что просто не склонна к сексу. Она ходила на свидания, но никто не вызывал у нее желания продолжить знакомство и выйти за пределы ресторанных ужинов и целомудренных поцелуев на прощание.

Не желая говорить о своей личной жизни – или об отсутствии таковой, – она спросила:

– А как насчет тебя? Сколько сердечных дел у тебя было?

Но Грейвольф то ли заснул, то ли проигнорировал ее вопрос. Как бы там ни было, ответа она не дождалась.

Она поуютнее прижалась к чему-то теплому.

В ее сонном мозгу отдалось тихое ворчание, чем-то напоминающее мурлыканье большой кошки. Эйслин пошевелилась. Ее разум начал складывать получаемые от органов чувств отрывки информации, и она резко села, широко распахнув глаза.

– О господи! – воскликнула она.

– Это мои слова, – простонал он.

Она лежала, распластавшись, на Лукасе Грейвольфе.

Видимо, ночью она перевернулась, и сейчас ее щека покоилась на его голой груди в разрезе расстегнутой рубашки. Грудь прижималась к его животу, а бедра…

– О боже, – повторила она, когда поняла, что бедрами прижимается к его паху.

Эйслин вспыхнула и отпрянула, быстро перебравшись на другую сторону сиденья.

– Я сож-жалею, – с трудом выговорила она, стараясь не смотреть на него.

– Я тоже, – сердито ответил он, открывая дверцу со своей стороны и практически вываливаясь на землю.

Довольно долго он стоял около машины, и Эйслин не смела спросить, в чем дело. Она знала в чем.

Потом он обошел машину и поднял капот. Подергал что-то внутри, снова вернулся к открытой дверце и присел на сиденье.

– Снимай бюстгальтер.

Предложи он ей отрастить крылышки и взлететь, она и то вряд ли бы так удивилась.

– Прошу прощения?

– Ты меня слышала. Или бюстгальтер, или блузку. Только поторопись. Мы и так уже достаточно потеряли время.

Уже вовсю рассвело, и Эйслин покраснела еще сильнее, поняв, как крепко они оба спали. Конечно, вчерашний день их вымотал и…

– Или ты снимаешь его, или я сделаю это за тебя, – резко прервал он ее мысли.

– Отвернись.

– О, да какого… – Он отвернулся.

Эйслин торопливо скинула блузку, потом сняла бюстгальтер и, снова надев блузку, быстро ее застегнула.

– Вот. – Она сунула ему деталь своего туалета. Он молча принял бюстгальтер и пошел с ним к капоту машины.

Пара-тройка минут работы в поте лица и изощренных ругательств, и Грейвольф захлопнул капот. Вернулся за руль, вытирая руки об штанины. И в качестве хоть какого-то объяснения проговорил:

– Какое-то время продержится.

Но, как оказалось, не слишком долго. Они проехали всего около двадцати миль, как из-под капота стали вырываться белые струйки пара, напоминая явление призрака. Потом струйки превратились в потоки.

– Нам лучше остановиться, пока машина не взорвалась, – осторожно предложила Эйслин.

За весь путь они не произнесли ни слова. И она могла понять его сдержанность: видимо, он не меньше ее был потрясен положением, в котором они проснулись.

Из памяти стало выплывать то, что ей очень хотелось бы забыть. Какие мягкие волосы у него на груди и как приятно губам их прикосновение. Как его руки обнимали и ласкали ее попку, до того как она полностью проснулась. И ей было хорошо, пока в ее сознание не ворвалась реальность.

Грейвольф с каменным лицом снова съехал с дороги. Машина со скрежетом остановилась.

– Похоже, твой бюстгальтер годится только на то, чтобы прикрывать соски.

Эйслин в шоке на него уставилась, а он просто открыл дверцу и вышел наружу:

– Двигай.

– Куда?

– К ближайшему городу.

– Ты имеешь в виду – пешком? – недоверчиво уточнила она.

Они были неизвестно где, со всех сторон дикая местность. Где-то вдалеке виднелись пурпурные силуэты гор. И все пространство до них – только песок и камни, загрубелая ладонь матушки-природы. Исключение составляла только серая полоса шоссе.

– Да, пока не поймаем машину, – ответил он и пошел в сторону.

У Эйслин не оставалось выбора. Она выбралась из машины и побежала за ним, пока не нагнала.

Она не могла здесь остаться. Вдруг он за ней не вернется, а тут, похоже, мог пройти целый день, пока встретится какая-нибудь машина. Она уже чувствовала жажду, а съеденное печенье из провизии Грейвольфа только усугубляло дело.

Они шли и шли, кажется, уже много часов. Эйслин приходилось почти бежать, чтобы не отставать от него. Солнце нещадно жарило ее непокрытую голову. Ландшафт подходил только ядозубам и другим рептилиям, что изредка встречались им на пути.

Наконец они услышали шум приближающегося автомобиля. Обернулись и увидели, что их догоняет какой-то пикап. Он напоминал поблекшее красное привидение, материализовавшееся из волн горячего воздуха. Не успел Грейвольф вскинуть руки и проголосовать, как шофер сбросил скорость. В кабине древней развалины сидели плечом к плечу трое индейцев навахо очень мужественной наружности. Перекинувшись с ними парой слов, Грейвольф влез

сам и втащил Эйслин на заднее сиденье пикапа.

– Они тебя узнали?

– Скорее всего.

– А ты не боишься, что они сдадут тебя полиции?

Он мотнул головой, и она, несмотря на жару, поежилась от его холодного взгляда.

– Нет.

– О, понимаю. Честь заставляет их хранить молчание.

Он не удостоил ее ответом, но перевел взгляд на северо-восток, к горизонту, куда, как она уже поняла, они направлялись.

Всю дорогу до маленького пыльного городка они мрачно молчали. Говорить было бы трудно в любом случае. Горячий ветер бил в лицо и высасывал из легких весь воздух.

Они еще ехали по пригороду, когда Грейвольф постучал по заднему стеклу кабины, и водитель плавно затормозил перед станцией техобслуживания. Лукас спрыгнул на землю и помог Эйслин спуститься.

– Премного благодарен! – крикнул он водителю.

Тот вежливо приподнял соломенную ковбойскую шляпу, снова завел мотор и уехал.

– И что теперь? – устало поинтересовалась Эйслин.

Перспектива поездки в город на какое-то время дала ей надежду, хоть она интуитивно понимала, что навахо будут симпатизировать Грейвольфу.

Однако эта надежда умерла в тот самый момент, когда она увидела, на что похож этот городок. На улицах ни единой живой души. Только цыплята копошатся в саду напротив шоссе, но и там никаких признаков человеческой жизни. Город выглядел неприветливо и сурово, как и окружавшая его пустыня.

Грейвольф пошел к зданию с железной крышей, где располагалась станция техобслуживания. Эйслин заставила себя потащиться за ним. Она никогда в жизни не испытывала такого дискомфорта, кожа жутко чесалась от пота, все тело было горячим, липким, обожженным солнцем. Губы потрескались от жары, волосы спутались.

Прочитав вывеску в грязном окне станции техобслуживания, она застонала.

– Сиеста! – мрачно вырвалось у нее.

– Они закрыты до четырех, – сказал Грейвольф и повернул голову, чтобы определить время по солнцу.

Эйслин заметила узкую полоску тени вдоль стены здания и укрылась там. Откинула голову, закрыла глаза. И тут же снова распахнула, услышав резкий звук бьющегося стекла.

Грейвольф камнем разбил дверное стекло. Даже не моргнув глазом, сунул руку в отверстие и отпер дверь. Та протестующее скрипнула, но открылась. Лукас вошел внутрь. Эйслин, которой никогда бы не пришло в голову разбивать окно, и уж тем более нарушать границы чужой собственности, последовала за ним в помещение, где было лишь немного прохладнее, чем на улице.

Когда глаза привыкли к сумраку, Эйслин поняла, что это не только заправка, но и маленький магазинчик. Деревянные полки были заставлены чипсами и консервами, канцелярскими товарами и моющими средствами.

На единственном прилавке с пыльной стеклянной витриной стояли еще более пыльные аризонские сувениры. Над ними высились коробки с леденцами, жвачками и сигаретами. За прилавком, на стене из оргалита, висели разные автомобильные принадлежности.

Грейвольф зашагал к старомодному автомату с холодными напитками. Старые деревянные половицы протестующе застонали. Подняв крышку, он сбил замок, призванный защищать автомат от воров, вынул две бутылки кока-колы и открыл их. Одну отдал Эйслин, а вторую поднес к губам и стал с жадностью пить.

– Я заплачу за свою, – заявила она.

Лукас оторвался от горлышка:

– Ты заплатишь и за мою. И за разбитое стекло. И за водяной шланг.

Эйслин пила холодную колу и думала, что вкуснее ничего не пробовала в жизни.

– Что за водяной шланг?

Грейвольф разглядывал за прилавком разные принадлежности.

– Нужен на замену порвавшегося. Вот такой, – сказал он, снимая с гвоздика шланг и показывая Эйслин.

Другой рукой он стал открывать ящики прилавка и просматривать их содержимое, шумно пошуровал в ящике металлических инструментов, и Эйслин еще отчетливее ощутила, как здесь пусто.

Ее охватило витавшее в воздухе чувство уединенности, она чувствовала себя здесь чужаком. А Грейвольф явно не испытывал подобной неловкости. Он нашел нужные инструменты и вытащил их из ящика. Эйслин уже совсем было отчаялась, как вдруг увидела телефон-автомат.

Она не сомневалась, что Грейвольф его не заметил. Тот по-прежнему «заимствовал» инструменты из ящиков и не смотрел в направлении телефона, который висел на стене в углу за стойкой со старыми журналами.

Если бы удалось отвлечь его разговором, можно было бы добраться до автомата и втайне от него заказать телефонный разговор. Но она даже не знает, где находится. Как называется этот заброшенный городок? А шоссе, по которому они ехали? Она не помнила никаких дорожных указателей. А были ли они

вообще на шоссе? Она знала только, что они пересекли границу штата и уже не в Аризоне.

– Допила?

Эйслин дернулась от звука голоса, словно пойманная с поличным.

– Да, – ответила она и отдала ему пустую бутылку.

Она позволила себе расслабиться совсем ненадолго и теперь снова активно работала над планом, как отвлечь Грейвольфа.

– Давай деньги. – Он протянул ей открытую ладонь.

Желая ему угодить, она запустила руку в сумочку и вытащила двадцатку:

– Этого должно хватить.

Он свернул купюру в трубочку и сунул под пепельницу на прилавке.

– Там сзади есть все удобства, – сообщил он. – Они тебе нужны?

Он угадал, но она в данный момент обдумывала, что делать дальше. Можно было солгать, что ей не нужно в дамскую комнату. Тогда он бы пошел первым, оставив ее здесь дожидаться. Но это может показаться странным и только возбудит в нем подозрения. Лучше пойти первой, пусть думает, что она уже отказалась от планов побега.

– Да, спасибо, – кротко ответила она.

Без единого слова он проводил ее на улицу. Завернув за угол, они оказались у дверей мужского и женского туалетов. Она с ужасом представила, что там внутри, но Грейвольф уже толкнул дверь дамского отделения. Их обдало невыносимой вонью, но Эйслин шагнула внутрь и включила свет. Загорелась тусклая лампочка.

Внутри было лучше, чем она ожидала, хотя все равно мерзко. Вид этой комнаты напомнил Эйслин, как давно она в последний раз была в туалете, и ей нестерпимо захотелось справить нужду, не важно, насколько отвратительно все выглядело. Закончив, она сполоснула руки и лицо в ржавой раковине.

Решив обойтись без вытирания и обсохнуть на воздухе, Эйслин подошла к двери, отперла замок и попыталась ее открыть. Но дверь не поддавалась.

В первый момент Эйслин решила, что открывает не в ту сторону, и потянула дверь на себя. Без толку. Тогда она налегла на дверь что было силы, но у нее все равно ничего не вышло. Ее охватила паника, она прильнула к двери.

– Грейвольф! – отчаянно закричала она. – Грейвольф!

– В чем дело, Эйслин?

– Я не могу открыть дверь.

– Так и должно быть.

У нее от ужаса отвалилась челюсть. Он запер ее!

– Открой дверь! – закричала Эйслин и забарабанила по ней кулаками.

– Открою, когда вернусь.

– Вернешься?! Куда ты собрался? Не смей меня оставлять здесь!

– У меня нет выбора. Не хочу, чтобы ты воспользовалась телефоном, который так настойчиво «не замечала». Я выпущу тебя, как только вернусь.

– Куда ты уходишь? – Она пришла в отчаяние при мысли, что ее оставят здесь взаперти.

– Обратно к машине. Заменю водяной шланг и приеду за тобой.

– К машине? Ты пойдешь к ней пешком? И когда же ты до нее доберешься?

– Я побегу.

– Побежишь? – У нее сорвался голос. Тут ей пришла в голову одна идея, и она с радостью высказала ее: – В четыре вернутся хозяева этой дыры, они меня освободят. Я буду кричать изо всех сил.

– Я вернусь намного раньше.

– Ты ублюдок! Выпусти меня отсюда. – Она навалилась на дверь всем своим весом, но та не поддавалась. – Тут нечем дышать. Я умру здесь.

– Вспотеешь, но не умрешь. Предлагаю пока отдохнуть.

– Иди к черту!

Он не ответил. Ее слова эхом отозвались в стенах туалета. Эйслин прижала ухо к двери, но ничего не услышала.

– Грейвольф? – неуверенно позвала она. Потом еще раз, погромче: – Грейвольф!

Никакой реакции. Она осталась одна.

Привалившись к двери, Эйслин закрыла лицо руками и снова позволила себе роскошь поплакать. Женщины ее типа не подготовлены к таким ужасным ситуациям. Бороться за свою жизнь – это за гранью их защищенного мира. Она выросла в позолоченном гетто под опекой родителей, которые всегда хотели для своей девочки самого лучшего.

Она даже государственную школу не посещала. Из-за «нежелательных элементов общества», с которыми она могла там встретиться. Она училась в элитном женском колледже, где не преподавали науку выживания. Подобные ситуации сильно напоминали классный киносценарий, но никто не верил, что так может произойти на самом деле. Но это случилось, и именно с ней.

И впервые за свои двадцать шесть лет Эйслин Эндрюс стало по-настоящему страшно. Физически. Она дышала страхом. Она ощущала его вкус.

А если Грейвольф не вернется за ней? Какие гарантии, что станцию в четыре часа откроют? Может, эта вывеска висит на двери уже много месяцев. Может, ее забыли хозяева, когда уезжали, решив, что этот бизнес не стоит таких усилий.

Она может умереть от жажды.

Нет, в туалетной комнате была вода. Не самая чистая – она в этом не сомневалась, но все же вода.

Она может умереть от голода.

В общем-то на это нужно много времени, и кто-нибудь наверняка заедет сюда раньше. Надо слушать, не шумит ли где-то мотор, и, если что, сразу кричать и барабанить в дверь.

Она может здесь задохнуться.

Но здесь было окно, правда, маленькое и расположенное под самым потолком. Рама была чуть-чуть приподнята, на несколько дюймов. Воздух сухой и горячий, но его здесь много.

Она может умереть от гнева.

Вот это очень даже реально, подумала Эйслин. Как он посмел бросить ее в таком отвратительном месте? Ругая его всеми ей известными словами, она стала мерить шагами крошечное помещение.

И гнев в конце концов расшевелил ее мозги, разжег воображение. Даже Грейвольф отметил, что она находчивая леди. Она сможет выйти отсюда, если подключит смекалку. Она в этом не сомневалась! Но как это сделать? Эйслин снова и снова бросалась на дверь, но та не двигалась с места. Чем бы он ее ни подпер, она крепко держалась, и пытаться ее открыть – только впустую тратить силы. С нее ручьями тек пот. Она чувствовала, как струйки ползут под волосами, тоже горячими и отяжелевшими.

Уже отчаявшись в своей способности что-то сделать, Эйслин умоляюще подняла глаза к небесам. И увидела ответ на свою проблему. Окно! Если бы ей удалось как-то добраться до него…

В углу стоял металлический бочонок. Похоже, это был мусорный бак, который за все время ни разу не меняли. Стараясь не думать о его зловонном содержании, Эйслин попыталась перевернуть его. Бочонок был ужасно большой и тяжелый, но в конце концов ей удалось поставить его вверх дном и передвинуть под самое окошко.

Забравшись на бочонок, она смогла дотянуться до подоконника. Несколько минут она висела на руках, подтягивалась и выискивала точки опоры на стенах из бетонных блоков, пока в конце концов не поднялась на подоконник. Высунув голову в открытое окно, она жадно глотала воздух и с наслаждением подставляла лицо ветру. Какое-то время она так просидела, давая столь необходимый отдых подрагивавшим от усталости рукам.

Потом она подняла плечами оконную раму, насколько могла. Щель все равно оставалась довольно узкой, но она решила, что с некоторыми усилиями и капелькой удачи у нее должно получиться вылезти. Эйслин уперлась коленом в подоконник и попыталась развернуться, чтобы вылезать ногами вперед.

Но в тот момент, когда она поставила на подоконник вторую ногу, она потеряла равновесие и вылетела наружу через открытое окно. Падая, она зацепилась за гвоздь в подоконнике и разодрала руку от запястья до подмышки.

Ей удалось чудесным образом приземлиться на ноги, но она поскользнулась. Прижимая к себе раненую руку, она скользила с холма на спине, на животе, перекатывалась, кувыркалась и в конце концов в самом низу ударилась головой о камень.

Пару секунд она видела перед собой огненное солнце, которое, казалось, над ней насмехалось. А потом все вокруг почернело.

Глава 4

Он отчаянно стремился вернуться. Никогда не упускавший ни малейшей детали, Лукас хорошо помнил ориентиры. Он знал, что осталось проехать всего пару миль. Три максимум. Он вдавил в пол педаль акселератора.

Машина, к счастью, отозвалась. Она уже вернулась в свое обычное рабочее состояние. Поменять шланги было несложно. Труднее было бежать к ней всю дорогу с полными карманами тяжелых инструментов и галлоновой канистрой воды на замену вытекшей. Ему было не впервой преодолевать большие расстояния. И даже летняя жара не была особой помехой. В отличие от смещенного центра тяжести из-за ноши.

Пока машина проходила оставшиеся мили, Грейвольф с радостью воспользовался шансом немного поразмышлять. Горячий ветер бил ему в лицо, ерошил волосы. Он предпочитал ездить с открытыми окнами там, где мог насладиться пустыней, к кондиционированному воздуху он относился с презрением. До сих пор он ехал с закрытыми окнами только из-за этой женщины.

Женщина.

При мысли, что она заперта в грязном раскаленном на солнце туалете, ему стало совестно. Но что ему еще оставалось делать? Оставить ее одну, чтобы она сразу позвонила в ближайший офис шерифа? Взять ее с собой? Но ей просто не под силу дойти до машины, а если бы она и смогла, они потеряли бы еще несколько лишних часов. Часов, которые он не мог себе позволить.

Сколько пройдет времени, прежде чем его поймают? Успеет ли он приехать вовремя? Он должен успеть.

Он хорошо знал, чего будет стоить ему этот побег, и был готов заплатить любую цену. Он жалел только, что ее платят и другие. Ему не доставило удовольствия вырубить человека, который доверял ему и считал его своим другом. И пугать эту женщину – тоже. Она представляла тех, кого он презирал: англо в целом и богатых англо в частности. Но все равно он бы предпочел, чтобы ее не пришлось силой вовлекать во все это.

Силой?

Раздраженным жестом он включил радио и открутил звук на полную катушку, убеждая себя, что просто хочет послушать новости. Хотя на самом деле он надеялся, что рев музыки вытеснит из головы мысли об этой женщине.

Зачем он взвалил на себя такую ответственность? Почему не вырубил ее и не ушел так же, как пришел – быстро и тихо? У него было бы достаточно времени, прежде чем она очнется и позвонит в полицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чудо-женщина – героиня американских комиксов, суперженщина. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Англо – так в США называют американцев британского происхождения.

3

Качина – дух космологии и религии у североамериканских индейцев.

4

«Счастливый час» – период времени, когда в баре делается скидка для клиентов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sandra-braun/svyazannyy-chest-yu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить